Беркем Аль Атоми

КАРАТЕЛЬ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А56

Аль Атоми Беркем.
А56 Каратель / Беркем Аль Атоми. – Москва: АСТ, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-17-087725-6.

Третий год демократии иракского образца на россий-
ской земле. Государства РФ больше нет, слово «Россия» запрещено цензурой, есть NCA – Северная Центральная Азия, политкорректное название оккупированной терри-тории. В некогда секретном оборонном городке хозяйни-чают американцы и их слуги самых разных национально-

стей. Стратегические атомные объекты взорваны, а раз-валины заминированы. Местных жителей расстреливают как одичавших собак сотрудники частных охранных фирм. Хаос глобальной социальной катастрофы закончился, наступила эра Нового Порядка.
Однако чудовищный замысел Мастеров, наконец-то воздвигнувших великую Золотую Пирамиду Власти, рушится внезапно и безжалостно. Восстав из мертвых, Ахметзянов возвращается на руины Тридцатки, чтобы вернуть долги оккупантам. Чтобы карать. Пощады не будет!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087725-6 © Беркем Аль Атоми
© ООО «Издательство АСТ»

3

Каратель

Когда умрешь, ничего не должно болеть. А я умер. Почему же так больно.
Прошло сто лет. Или сто семьдесят, или тысяча. Как, оказывается, хуево на том свете. Точнее, теперь это «этот» свет. Точнее, тьма. Еще столько же или втрое больше.
Интересно, почему я думаю. Наверное, это то-же наказание. Странно. Я — это кто.
Минута — или геологическая эра. Или астроно-мический день. Или День Брамы.
Кто я. Странный вопрос. Я — это то, что думает в темноте. Хотя есть мысли, и есть темнота. И все. Кто же их тогда думает.
Еще столько же.
А, понял. Надо же, как просто.
Еще сколько-то.
Значит, если хочешь быть — надо, чтоб стало время. Получается, я хочу быть? Я, кажется, уже был…

Еще немного. Или много. Там это без разни-
цы — много, немного…

Выходит, хочу. Че-то темно. Свет.
И стал свет. И время, и Земля, и Солнце, и кро-хотный грязный поселок на берегу огромного свин-цового озера; и едва различимый запах крови, гари и пороха, долетающий с заката.
— Эй! Яхья-бабай! Твой вонючий маймун про-снулся, ползет! Иди лови его, пока не уполз! Выпалив это, сунувшийся в двери пацанчик сморщился и исчез, прихлопнув дребезжащую дверь. Сразу несколько баб, мездривших воню-чие шкуры, вскочили и пронзительно заорали ему

вслед; им яростно ответили работающие ближе к дверям — в спины здорово несло из сеней, октябрь

4

Беркем аль Атоми

нынче задался более смахивающим на декабрь, разве что снега все нет. В этой избе проблема «за-крыть-оставить приоткрытой» всегда вызывает напряг — дальним от входа невозможно дышать,

ближним дует в натянутые поясницы и обветри-вает руки до сеточки кровавых трещин. Старик в ветхой солдатской шинели поднялся и осторожно пробрался сквозь разгорающуюся перепалку. Было
заметно, что он опасается женщин, хотя все очень

вежливо давали ему пройти.
Выйдя на улицу, старик зябко поежился, заво-рачивая поплотнее старые мослы ветхой рвани-ной; не поднимая головы, машинально поискал солнце — нету. Давно уже нет солнца, недели две? Больше…

Когда были русские, по тилявыср нарядная кы-зым говорила, что «фронт» или «цыклон». Она не понимала, что говорила, и те, кто научил ее так говорить — тоже не понимали, но все равно поду-чивали красивую кызым произносить пустые слова; урысы почему-то думали, что все знают. При этом не знали совсем ничего, даже самых простых ве-щей — что те же облака, застилающие солнце ТАК долго, делаются людьми. Нелепо — сами же расска-зывали про фронт, и сами разводили руками… Старик знал, что такое фронт. Сначала Вол-ховский, потом, уже после госпиталя, следствия и тюрьмы — Четвертый Украинский. Потом еще Са-лехардский, и перед самым освобождением лагер-ный опер накрутил еще чирик. Старик не сердился на опера, молодого нервного белоруса, тот закры-вал срочное требование по контингенту на Базу-10, очередной фронт старика. Правда, фронтами это звали, лишь насмешливо обозначая масштаб по-терь, потери там были действительно почти как на фронте, но жизнь гораздо хуже.

5

Каратель

Фронт — он от людей; что на земле, что на не-бе. Люди не хотят видеть свою жизнь и заслоняют солнце — вот и все. Если бы люди дружно захотели, солнце вообще перестало бы светить, или, наобо-рот, светило бы сильнее, или мигало. Но люди не хотят Солнце, они хотят фронт, и он появляется. Люди чувствуют, что мир — это война, но не мо-гут понять, что и война — тоже мир, и кидаются в крайность. Мир или война. Да, у Реки всегда два берега, а не один; но главное не берега, а сама Ре-ка, которую люди не видят. Главное всегда скрыто. Старик шел по пустому поселку, привычно бла-гословляя места, где люди едят, спят и совокупля-

ются с женщинами, легко растворяя в бесконеч-ности завязывающиеся возмущения. Если раньше, когда был стар и силен, он силой задавливал бы их в землю, то сейчас, дряхлым, с краешком тюбетей-ки, еще торчащим из поглотившей его тело моги-лы, он ощущает Землю как себя и не хочет делать ей больно. Эта работа больше не требует гробовой тишины в голове, и старик не мешает мыслям тихо

струиться, следуя вечной Реке, несущей все в этом мире:
«Люди могут это делать и могут делать многое другое, но не хотят знать о своей силе. Почему-то слабость кажется им сладкой. Им нравится быть слабыми, нравится быть рабами. Конечно, те вели-кие Знающие, которые называют себя Мастерами, те, которые сделали людей такими для своего удоб-ства — тоже причина, но главное в самих людях.

Когда человек не хочет чего-то всем сердцем, то никакой Мастер не сможет ничего изменить. Зна-ние и незнание не главное. Главное — сердце, оно сильнее всего в мире, потому что больше мира; да-же сам Тенри только часть сердца любого, самого жалкого и слабого человека…»

6

Беркем аль Атоми

Старик достиг последнего дома поселка. Оста-лось совсем немного, но как плохо идут ноги, не успевают вовремя подыматься и опускаться… Да, осталось совсем немного, это точно. Сейчас бы по-смотреть на солнце и выпить немного его теплого

белого золота, но солнца нет, и неоткуда взять си-лы. А ведь еще заниматься с этим человеком. «Тен-ри, если ты велел мне забрать его у духов, то дай же и сил… — снова бесстрастно ворчит старик. — Простой силы для тела, чтоб хотя бы вымыть его. Я не мыл его уже два дня, Тенри. Человеку не го-дится быть грязным».
Только где Тенри в этом человеке? Он выполз из землянки и лежит в грязи, воняя даже на холо-де, и кажется, что мерзлая грязь растаяла под его головой — там, где в единственном глазу углем го-рит ненависть, не обращенная пока ни на кого кон-кретно, абстрактная, но от этого еще более жуткая. «Вот чего так испугался маленький Рашат, — ду-мает старик, подымая вырубившегося человека с грязной дороги, — Жаль. Он неплохо помогал, взять хотя бы ту же воду». И тут же забывает о мальчиш-ке, которому не суждено принять Знание — старый Яхья дождался.
До озера меньше ста метров, но старик до вече-ра набирает и греет воду. Хорошо хоть курбаши Уль-фат велел без разговоров снабжать старого Яхью дровами. Старик Яхья жжет эти дрова, греет воду и моет человека, обходя багровые затягивающиеся раны на синем теле. Уже месяц прошел, как человек появился в землянке старого Яхьи, и старик успел привыкнуть и даже привязаться к обузе, несмотря на то, что месяц назад изо всех сил желал ему смер-ти. Может, это из-за того, что старик достал из его ран немало разного металла и теперь отвечал за

то, что не дал наступить неизбежному? Впрочем,

7

Каратель

сам Тенри послал этому человеку и смерть, и спа-сение, выдернув его с самого дна Нижнего Мира и положив на лежанку в землянке Яхьи, бывшего багучы — а ныне дряхлого, пережившего человечий век старика, ждущего смерти каждую ночь.

Когда Яхья-бабай увидел нацеленную на посе-лок опасность, то понял: это конец. На обе при-брежные деревни по склону времени спускался маленький уголек, и было ясно — уголек этот не остановится, пока не выжжет все дотла. Смерть, проступавшая на лицах некоторых мужчин, опре-

делилась — да, этого я забираю. Мало того — к от-меченным все прибавлялись и прибавлялись но-вые избранники; приближающийся уголек хотел взять всех. Яхья переглянулся с курямце, живущей в соседней деревеньке — ты как? Хоть что-нибудь сможешь? Курямце Гульюзум-аби, хоть и была в молодости ученицей самой Яшчерэ, но тоже лишь пожала плечами: «Что «как»? Да никак. Сам ви-
дишь».

Яхья видел. Задержавшись ночью, рано утром уголек вспыхнул и понесся на людей, воя и разбра-сывая кровавые искры. Сердце старика сжалось: хоть ничего неправильного не происходило и каж-

дый отмеченный смертью просто следовал Реке — но многие явно не закончили свой путь, их линии грубо обрывал этот неведомо откуда взявшийся пришелец.

Однако на смертоносном пути уголька внезапно встала огромная сила, такой Яхья не то что не ви-дел, но даже не мог себе представить; как может та-ракан представить танковую дивизию? Наверняка он считает, что она — нечто настолько же большое и страшное, как и тапочка.
Уголек разлетелся на искры, едва коснувшись вставшей на его пути невидимой стены, и Яхья ра-

8

Беркем аль Атоми

достно поблагодарил Тенри и Землю за неожидан-ную милость, одновременно с удивлением осозна-вая, что это не совсем милость и что у него теперь появилось одно важное дело.

Тенри, отчего именно этот? Старик глядит на еле вскинутого на лежанку человека. Он снова на той стороне, его грудь вздымается неестественно редко. Значит, он сейчас далеко. Иногда старик за-мечает, что вдох от выдоха отделяют минуты.

Человек бродит в нехороших местах, ищет чего-то, расталкивая бире и отшвыривая с дороги эйе,
словно невесомые снопы; ненависть делает его не-

уязвимым, он рыщет по мирам, скрежеща зубами, не замечая, как под его ногами лопается и рвется

нежная паутина связей, тянущаяся из невообрази-мо далекого Начала Всего. Человек встречается с невероятными сущностями, даже имен которых не слыхал ни Яхья, ни самый сильный из его учите-лей, но не уделяет им и капли внимания, распле-скивая их тела на своем безумном пути. Словно до-бела раскаленное лезвие, погруженное в мозг, че-ловек нарушает все подряд — но остается живым;

на нем даже зарастают раны, только бывший глаз неустанно сочится гнойной сукровицей, за ночь за-ливая человеку все лицо. Старик никогда не видел ничего подобного — но ни Земля, ни Тенри не оста-навливают человека. Видимо, им нравится то, что
он делает.

Если б старик мог видеть, что сейчас происхо-дит… Хотя Земле с Тенри лучше знать, кому и для чего дать кусочек общей работы; старик превос-ходно справляется со своей — и этого более чем
достаточно.

А сейчас Великие Мастера, одержав последнюю, окончательную победу, к которой кропотливо шли много тысячелетий, в тревоге. Все враги сокруше-

9

Каратель

ны, из всех сбитых в отары овец вырвано даже не их старое мерзкое суеверие — основа неуправляе-мости, а даже и тень воспоминаний о чем-то ином, кроме сияющей Истинной Реальности, искусно созданной Мастерами. Творение их безупречно — в безвыходность его лабиринтов вложен ледяной не-человеческий интеллект, Пирамида крепче алмаза и рассчитана на вечность, не меньше. Но сотряса-ется сама основа их творения, и не надо быть ода-ренным провидцем, чтоб понять — свежевыстро-енной Золотой пирамиде не устоять, с последним камнем, завершившим ее строительство, в неруко-творном основании появилась первая трещина, не-

объяснимо глубокая — и углубляющаяся.
По всей Земле, в каждом из раздавленных Ве-ликим Строительством селений лежат умираю-щие, и их отлетевшие души больше не спят, убаю-канные сытостью и теплом; или борьбой за спасе-ние тела, что отвлекает от вечности не хуже теле-визора или деланья денег. Мастера промахнулись. Собственно, они не могли не промахнуться, так было уже не раз и не раз еще повторится: замер-зающий посреди мертвого Красноярска мальчик ищет маму, которая кормила его — и не понимая,

куда забрался, рвет собой нити, держащие Важ-ное; тут же сгорая, но уже сделав свое дело. За-душенная вирусом в подмосковном гуманитарном

лагере, мама в предсмертном бреду ищет сына — и вспарывает на Той стороне кровеносную систему, питающую силой основу Пирамиды, материнское отчаяние позволяет ей продержаться чуть боль-ше. Есть и такие, как Ахмет — расстрелянные по старинке, сожженные лазерами и импульсными установками, испепеленные вспышками чистого ядерного оружия, издыхающие под гроздьями люизитовых нарывов — да и просто заморенные

10

Беркем аль Атоми

голодом или растерзанные на мясо в вымерших

городах. Эти уже похуже детей и женщин — пре-вратившиеся в чистую ненависть, на одной жажде мести проникающие туда, куда заказан путь даже Хозяину Мастеров, и в слепой ярости крушащие все подряд, рвущие само тело Мира; но Мир не против, как не протестует человек, отрезающий излишне отросшие ногти.

Мастера проиграли — ибо вообще начали игру; да еще осмелившись мозолить глаза Тому, кому ни-чего не стоит перевернуть их жалкий стол и раз-веять по ветру игроков.

Ахмет открыл глаза и заметил непривычное ощущение — левый глаз, похоже, склеило гноем, он не открывался. Попытавшись его протереть, Ахмет не смог поднять руку — вроде бы не привязанная, она никак не хотела отрываться от простыни… хо-тя, кажется, это сено… Где это я?… На мгновение ему показалось, что сейчас восемьдесят четвертый год, и он на рыбалке в деревне, но в голове тотчас вспухла грозовая туча воспоминаний, уходящая на километры в кровавое небо. Ахмет вспомнил все и едва не откусил язык, удерживая клокочущее в горле рычание. Примерно час он лежал, все так же глядя в потолок, из глаз его обильно текли сле-зы — и из здорового, и из ямы на месте выбитого. Потом внутри стало пусто, совсем как в колодце до Самого Низа, отныне постоянно зияющем под Ахметом. Ахмет бесстрастно побалансировал на его краю — и не увидел различия между «упасть» и

«остаться», но за собранным из множества оскол-ков окном кружился снег, и он машинально решил

выйти посмотреть. Скинуть ноги с лежанки удалось минут за десять, но в накатившем тупом упорстве

он добрался-таки до дверей, шатаясь и хватая коря-вую стену высохшими руками.

11

Каратель

Навалившись всем телом на дверь, замер — мощная боль едва затянувшихся ран чуть не вы-рубила его; все тело казалось одной сплошной раной.
— Рановато. — Ахмет попытался вслух проком-ментировать постигшую его неудачу, но из горла вылетели какие-то совершенно чужие звуки, даже отдаленно не похожие на его голос. — Дверь немно-
го того.

Вернувшись на лежанку, он долго восстанавли-вал сбитое дыхание; перед глазами роились симпа-тичные беловатые искорки и шикарные сиреневые круги, плавно меняющие оттенок с фиолетового на голубой. В какой-то момент он понял, что откуда-то знает, как можно выкрутиться и все-таки пойти посмотреть на снег, оставив здесь пришедшее в не-

годность тело. Отложив в сторону вяло мигающую мысль, что это в принципе сумасшествие и надо не-медленно прекратить, он дождался в череде этих кругов подходящего и нырнул в его теплое колю-чее марево, тотчас оказавшись нос к носу с пухлым слоем свежего снега. Снег издавал сладкий запах, и Ахмет сперва удивился — снег же не пахнет! Или… пахнет? Это недоумение словно прорубило дыру в его голове, и кто-то снаружи влил ему в голову целое ведро детских воспоминаний о снеге — таких ярких, что Ахмет поначалу не на шутку испугался и затряс головой, как чихающая собака. Спохватив-шись, он торопливо вернулся в тело и принялся

рассматривать их одно за другим, боясь, что скоро все кончится. На заднем плане осталась свербеть досада, что не заметил, раззява, как протекал про-

цесс возвращения — надо было запомнить, как это делается: а то так останешься как-нибудь снаружи, в виде голой души, бестолково топчущейся у поки-нутого тела.

12

Беркем аль Атоми

Пришел старик, который, судя по всему, спас ему жизнь и лечил все это время. Ахмет хотел по-чувствовать к нему что-нибудь теплое и благодар-ное, но как-то понял, что это не тот случай.
— Да, улым, все верно. — прошамкал старик, са-дясь подле Ахмета. — Теперь ты не будешь чувство-вать много такого, к чему привык.

— Зато почувствую много нового… — со злобной грустью усмехнулся Ахмет. — Оно мне надо, а, ста-рик? Мне сдается, что ты откуда-то знаешь, кто я и откуда взялся. Знаешь ведь?
— Знаю, улым. Ты жил в Городе, а когда немцы стали вас убивать, ты взял жену и пошел сюда. Ты хотел сделать здесь то, что немцы сделали с тобой и твоими друзьями.

Ахмет оцепенел — простая, даже примитивная точка зрения старика вдруг осветила его жизнь с

неожиданной стороны… Как просто, мелькнуло в его загудевшей котлом голове. На самом деле, как все просто…

— Ты шел сюда убивать здешних людей, а Тенри остановил тебя, — спокойно, словно бы и не осуж-дая, произнес старик.
— Я напоролся на охрану дороги. Их там в это время не должно было быть… — пояснил Ахмет, чувствуя, как откуда-то подымается черно-багрово-вая пена ярости, заполняя гулкую пустоту внутри. Из руки снова вырвало воротник жены, мелькну-ла удивленная рожа грека, пялящегося на медленно

падающую РГОшку, растянутые вспышки пулемета на темном фоне грузовика…
— Нет, улым, это был Тенри.
— Ты че мне паришь, пень старый! — зарычал Ахмет, перекосившись от боли. — Какие в пизду тенри, хуенри! — Однако тут же сник и расслабил-ся. — Ладно, пусть Тенри. Мне уже как-то без раз-

13

Каратель

ницы. Хоть крокодил Гена. Я уже труп, понимаешь, старый? Еще дышу зачем-то, но уже все, я не чело-
век.

— Да, — неожиданно согласился старик. — Ты больше не человек. Точнее, человек, конечно; но не такой, как остальные. Поэтому ты ходил сегод-ня по нашей стороне, как по той — без тела. Теперь ты багучы, как я.
— Че? — ошеломленно процедил Ахмет. — Че ты там мелешь, старый?
— Тенри сломал твое старое тело и дал новое. Встав, Ахмет довольно быстро пришел в себя, стараясь двигаться как можно больше, ходил за водой, пытался колоть дрова. Получалось не осо-бо — тело не могло ни поднять топор выше плеч, ни принести целое ведро, а после пятидесяти ме-

тров просило встать и передохнуть. Следуя совету старика, некоторое время Ахмет честно пытался представлять себя таким же, как раньше — тяжелым и быстрым слитком из злого интереса ко всему во-круг, но эта мысль не удерживалась в теле; видимо, не находила, за что зацепиться. Иногда… точнее, не иногда, а достаточно (для чего?) часто Ахмет удивлялся сам себе — почему жив этот высохший человек с серым лицом и походкой увечного дохо-дяги? Зачем он встает по утрам, съедает картофель-ную лепешку и несколько вареных чебаков — для чего? Чтобы — что? В три приема наполнить ржа-вое ведро, наколоть щепок из смолистых сосновых

чурок, легко и презрительно бросаемых у порога румяным шестнадцатилетним Иреком — мужчиной и воином? Ответа не находилось. Получалось — не-зачем. От выстрела в голову удерживало не отсут-ствие карабина или пистолета — при желании най-ти можно все; смерти он не боялся вовсе — боязнь чего бы то ни было казалась ему чем-то бесконечно

14

Беркем аль Атоми

далеким и совсем не относящимся к нему нынешне-му, как детский онанизм или стирание двоек в днев-нике. Обременить собственной смертью некого, в «жизни» здесь он не видел даже проблеска смысла, нигде и никто не был ему нужен — ни одно живое существо не занимало его, он остался один на один

с громадой Мира, безразлично наблюдавшего за ним мириадами холодных глаз. И дел в этом Мире у него больше не было, даже пустяковых.
Старик видел, что ситуация с его восприемни-ком спокойна, и не лез лишнего. Пусть призывник высрет последние домашние пирожки и осознает, что мамой теперь у него вон тот усатый прапор. Яхья-бабай уходил в деревню сразу, как просыпался, оставляя застрявшего между мирами Ахмета хозяй-ничать в одиночестве, и дни напролет проводил в

компании баб, пытаясь собрать немного щедро рас-кидываемой ими силы.
К сроку лег снег, и это отразилось даже на раци-оне двух единственных халявщиков поселка. Когда свежего мяса наелись все, Яхье и чужому начали то и дело отправлять то неплохие куски косули, то по целому зайцу. По идее со жрачкой скоро должно было стать еще лучше — когда станет озеро, в по-селке будет завались жирного деликатесного сырка и сига, а уж чебака станет совсем невпрожор, и им начнут кормить собак. Но у каждой палки два кон-ца. Зимнее изобилие также означает войну: слиш-ком много людей хотят кушать и продавать эту ры-бу, и каждый выход на лед будет означать смертель-ный риск.
Озеро стало за одну безветренную ночь, сразу же покрывшись снегом. В это утро Ахмет проснул-ся и резко сел на лежанке, неожиданно ощутив,

что сегодняшний день будет особым. В нем будет нечто, имеющее смысл для него самого. Может

15

Каратель

быть, даже цель. Боясь спугнуть это хрупкое пред-чувствие, он принялся нарочито четко следовать установившемуся распорядку: дошел до озера, рас-колотил хрупкую корочку под пушистым одеялом

и тщательно вымылся, ощущая вместо бодрящего холода растущий изнутри жар, с радостным пред-чувствием угадывая в нем не болезненный про-рыв ждущего нас пекла, но огонь боя, выстрела, крови врага. Осторожно неся это ощущение об-ратно, Ахмет вдруг выпрямил привычно согнутую спину. Он больше не чувствовал себя гирляндой простреленных потрохов, развешанной на хлип-ком костяке, и перестал дрожать над бережно со-храняемым настроением. Странное дело: настрою это нисколько не повредило, напротив — к двери

землянки Ахмет вернулся другим. Ледяное спокой-ствие сверху и обманчиво ровный доменный жар внутри. Потеряв все мысли, Ахмет замер перед дверями, ожидая Яхью; он откуда-то знал, что ста-рик сейчас выйдет.
Старик и впрямь скоро вышел, застегивая меш-коватую шинель. Не говоря ни слова, он прошел мимо Ахмета и двинулся к небольшому мыску, вда-вавшемуся в озеро сотнях в трех от поселка. Ахмет знал, что нужно идти за ним вслед и молчать. Берег казался исчерканными тушью полями не-объятно белого листа. Черные корявые деревья с легким снеговым пухом на неподвижных ветках,

замершие навытяжку островки камыша вдоль бе-реговой линии, редкие валуны, чернеющие из-под снежных накидок. Из-за легкой сплошной пелены заснеженная гладь озера сливалась с небом, и верх с низом казались придуманными и абстрактными штуками, весь мир округлый и цельный, какие еще «верх» и «низ»? Тишина вокруг очень тонко совпа-дала с тишиной внутри Ахмета, и он не сразу за-